

ПРОЛОГ

УБИЙСТВО НА ПЛОЩАДИ СЭВЕН-ДАЙЛЗ



Дождь лил без передышки уже много часов кряду, и Северный тракт¹ выглядел грязной лентой, терявшейся во мгле. Карету болтало из стороны в сторону, она отчаянно подпрыгивала на ухабах, однако Лэнгдон Сент-Ив и не думал сбавлять ход. Он крепко держал в руках вожжи, вглядываясь вперед из-под шляпы, с полей которой сплошным потоком стекала дождевая вода. До предместий Крика еще пара миль; там можно будет наконец сменить лошадей, — в том случае, конечно, если это понадобится.

Луна пряталась за тучами, и ночь казалась до жути беспросветной. Сент-Ив отчаянно напрягал глаза, пытаясь рассмотреть в клубящейся тьме экипаж, который мчался по той же дороге где-то там,

¹ Основная дорога, связывавшая Лондон с Эдинбургом. Здесь и далее примеч. перев.

вперед. Если только Сент-Иву удастся перехватить до того, как они въедут в Крик, волноваться из-за свежих лошадей не придется — мертвецу ведь довольно и простого деревянного ящика.

Сознание наполнилось вяло текущими мыслями; Сент-Ив ужасно устал, но ненависть и страх питали его решимость. Силы таяли, сосредоточиться на дороге удавалось лишь волевым усилием. Переложив поводья в левую руку, он правой отер с лица капли дождя и помотал головой, тщась разогнать царивший там туман. Все чувства притуплены. Зажмурившись, Сент-Ив снова тряхнул головой, — да так, что едва не слетел с козел от нахлынувшей слабости. С чего бы это? Он что, болен? Не лучше ли натянуть вожжи и передать их Хасбро, верному слуге, а самому плюнуть на все, забраться внутрь и попытаться уснуть?

Руки внезапно сделались ватными. Поводья словно просочились сквозь пальцы и упали на колени, а лошади, обретя свободу, понеслись вскачь, увлекая за собой прыгающую на рессорах карету. С Сент-Ивом явно происходило что-то неладное, нечто похуже простого недомогания. Он попробовал было докричаться до друзей, но голос, словно во сне, звучал жалко и слабо — писк, а не голос. Попытался схватить ускользающие вожжи, но и это ему не удалось. Сент-Ив будто раскис, растворился во мгле...

И тут впереди, немного в стороне от дороги, в тумане проступила чья-то смутная фигура: человек в шляпе бежал через поле к обочине, размахивая руками и что-то крича во тьму, словно споря с ве-

тром. Сент-Иву смутно подумалось, что это чревато серьезными неприятностями. Вдруг там засада? Он откинулся назад, изо всех сил цепляясь за козлы, но мышцы обратились в желе. Если там и впрямь засада, то дела плохи, прямо-таки чертовски плохи, ибо при всем желании он ничего не мог сделать в этой ситуации.

Наконец карета поравнялась с человеком в шляпе: тот стоял на обочине, вытянув руку с клочком бумаги, — по всей видимости, запиской. Струи дождя жестко хлестнули Сент-Ива по лицу, когда тот, собрав остатки сил, потянулся вбок, намереваясь выхватить листок. Рука прошла сквозь бумагу. И в этот самый момент, перед тем как окончательно лишиться чувств, Сент-Ив взглянул в лицо незнакомцу и понял, что отлично его знает: лицо принадлежало ему самому. Это он сам стоял на обочине дороги с запиской в протянутой руке! Запечатлев в гаснущем сознании образ собственной испуганной физиономии, Сент-Ив провалился во тьму и полностью перестал что-либо воспринимать.

Они пустились в дорогу в четыре часа пополудни и до наступления темноты одолели шестнадцать миль, но теперь продолжение погони казалось пустой тратой времени. Стояла темная, глухая холодная ночь, и струи не стихавшего дождя, грохотавшие по крыше кареты, превращали улицу в речной поток до шести дюймов глубиной, несущийся вниз по Хай-Холборн к площади Сэвен-Дайлз. Лошади переступали, низко опустив головы; с них потоками стекала

дождевая вода, доходившая внизу почти до самых бабок. Улицы и лавки были безлюдны и темны, барабанная дробь дождевых капель наполняла голову неясным шумом, и самому Лэнгдону Сент-Иву в этот момент снилось, что он, беспомощный человек, оказался заживо погребен на дне угольного трюма и слышит, как по спускному желобу беспорядочной грудой несется на него новая лавина угля...

Вздрыгнув, он открыл глаза. Два часа ночи. Промокшая грязная одежда кажется ледяной. На коленях лежит заряженный револьвер, который Сент-Ив твердо намеревался пустить в дело еще до наступления утра. Происшествие с каретой, которая опрокинулась на окраине Крика, стоило им нескольких драгоценных часов. Но важно другое: что означает встреча с собственным призраком? Ответа Сент-Ив не знал. Скорее всего, организм дал слабину. Приступы отчаяния, увы, дешево не обходятся. Видно, он действительно занемог или же утомление довело его до настоящих галлюцинаций; вот только припадок, который случился так неожиданно, а потом прошел без следа, не учитывая того, что Сент-Ив очнулся в грязной придорожной канаве, вопрошая себя, как его туда занесло... Все это было странно. И не просто странно — это попросту не укладывалось в голове.

За минувшие часы Игнасио Нарбондо запросто мог увести Элис неведомо куда. А коли так... Сент-Ив всматривался в темноту, гоня от себя эту мысль. Преследование по горячему следу привело их сюда, к Сэвен-Дайлз, и верный Билл Кракен, презревший

боль от перелома, — он сломал руку при крушении кареты, — обшаривает теперь меблированные комнаты по соседству. Нарбондо *должен* отыскаться там, а заодно и Элис. Сказав себе это, Сент-Ив рассеянно погладил холодный металл пистолета и поддался потоку еще более мрачных дум.

Вообще говоря, он — последний, кто хотел бы «вершить правосудие», но здесь, на улице, отходящей от Сэвен-Дайлз и тонущей в потоках дождевой воды, Сент-Ив чувствовал себя тем самым пресловутым «последним человеком на планете», пусть даже напротив него сидел сейчас Хасбро. Верный слуга и помощник, завернувшись в пальто, крепко спал с зажатым в руке револьвером.

Впрочем, не рассуждения о справедливости и воздаянии владели Сент-Ивом, а холодная, темная жажда убийства. За три часа он не произнес ни единого слова. Все уже сказано, к тому же стояла глубокая ночь, а самого его одолевали настолько черные мысли, что было не до разговоров. В опустевшей голове только они и крутились — противоречивые мысли об убийстве и об Элис, — но ни одну из них он не сумел бы облечь в слова. Если бы знать, куда Нарбондо ее затащил, где она теперь... Сэвен-Дайлз — невообразимая путаница улиц, переулков и узких, жмущихся друг к другу домов, в которой не разберешься даже при свете дня, не говоря уже о подобной ночи, — оставалась для него полной загадкой. Но погоня завершена. В какую дыру ни забился бы Нарбондо, Кракен непременно вытащит его наружу. В окружавшем

Сент-Ива мраке явственно ощущалось близкое присутствие противника.

Он разглядывал улицу из-за мокрой шторки: в окне второго этажа напротив, пробиваясь сквозь пелену тумана, мерцал огонек газовой лампы. С отступлением ночи подобных огоньков становилось все больше, и Сен-Иву вдруг сделалось совершенно ясно, что восход солнца ему совершенно не нужен. Любое утро невыносимо без Элис. И на Нарбондо ему глубоко наплевать! Пистолет на коленях — презренный кусок металла; убить Нарбондо — как прихлопнуть комара: его гибель доставит столько же удовольствия. То есть, в общем-то, нисколько. Главное сейчас — жизнь Элис. Этим апрельским утром любая жизнь на улицах Лондона выглядела иллюзорной, и только жизнь Элис обладала и цветом, и плотностью.

Неужели, спросил себя Сент-Ив, и ему, вслед за отцом, суждено закончить свои печальные дни в бедламе? Одна только Элис не давала ему скатиться в безумие, теперь он знал это наверняка. Всего с год тому назад подобная мысль сильно бы его озадачила, но ведь вся прежняя жизнь Сент-Ива, по большому счету, сводилась к мензуркам, кронциркулям и столбикам чисел. И тем не менее все меняется, все течет, и с этим приходится мириться.

Послышался свист. Сент-Ив выпрямился, сжимая в пальцах рукоять револьвера, и вслушался в шум дождя. Открыв дверцу, он наполовину высунулся из кареты, и та закачалась на рессорах, а мокрые лошади встряхнули гривами, словно пред-

вкушая то мгновение, когда им дадут волю и они понесутся вскачь куда-то вдаль, все равно куда, лишь бы подальше от этого потопа. Впереди раздался крик, дробно простучали чьи-то торопливые шаги. За плотной завесой дождя материализовался Билл Кракен, мокрый как утопленник: он что было сил бежал к карете, бешено жестикулируя и указывая себе за плечо.

— Там! — вопил он. — Там! Это он!

Сент-Ив выпрыгнул наружу и, почти ослепнув под шквалом дождя, со всех ног устремился навстречу Кракену.

— Повозка! — выдохнул вконец запыхавшийся Кракен. Нащупав локоть Сент-Ива, он развернулся, увлекая ученого за собой.

Лицу заполнил грохот колес и цоканье лошадиных копыт. Из темноты вынырнул старый дребезжащий кабриолет. Стихия трепала сидевшего на козлах возницу, а пассажира — или пассажирку — запертого в тесном, как гроб, кузове, отчасти защищала задернутая штора. На полной скорости кэб въехал в глубокую лужу, и из-под копыт полетели фонтаны брызг. Возница — Игнасио Нарбондо собственной персоной — яростно нахлестывал лошадь вожжами, оперев расставленные ноги в жесткий фартук, чтобы не выпасть.

Не раздумывая, Сент-Ив бросился наперерез, отчаянно крича, — звуки сразу гасились потоками дождя, — прыгнул и повис на шее лошади. Правой рукой он уцепился за косматую, спутанную мокрую гриву, одновременно размахивая левой, в которой

был зажат пистолет, и попытался удержаться, повиснув и елозя пятками по мокрой мостовой, но запряженная в кэб лошадь неудержимо волокла его до той поры, пока он наконец не сорвался в придорожную канаву. Курок был взведен, и Сент-Ив выпалил в воздух, быстро перевернулся на бок, снова взвел курок и выстрелил еще раз в маячивший впереди темный абрис кэба.

Его запястье стиснула чья-то рука.

— В карету! — выкрикнул Кракен, и Сент-Ив, с трудом поднявшись с залитой водой обочины, устремился за ним.

Едва Сент-Ив и Кракен забрались внутрь, Хасбро пустил лошадей вскачь, и те стремглав понеслись по узкой улочке вслед за кабриолетом, который, виляя и раскачиваясь, летел к Холборну, теряясь в темноте и потоках воды. Немного придя в себя, Сент-Ив обрел привычное присутствие духа и, распахнув дверцу кареты, высунулся наружу. Карета с грохотом летела, подпрыгивая и мотаясь из стороны в сторону, и, всматриваясь вперед сквозь каскады брызг, летевших из-под колес и лошадиных копыт, Сент-Ив никак не мог прицелиться, поскольку ствол пистолета ходил ходуном, тычась в сотни разных направлений.

Все-таки Нарбондо — отчаянный мальчик! Возможно, даже слишком отчаянный. Они мчались за ним по пятам, не давая ему передышки, и это толкало его на безрассудные поступки. Если они не достигнут его и на сей раз, он снова ускользнет — и надолго. Ужасное чувство неотвратимости навалилось

на Сент-Ива. Сдерживая себя изо всех сил, он лишь скрежетал зубами, глядя, как мимо проносятся погруженные во мрак дома. «Скоро, — подумал он, — скоро всему конец. Как бы все ни повернулось, конец уже близок... Но не раньше, чем этот чертов кабриолет...» Не успел Сент-Ив додумать эту свою мысль, как одно из колес «чертова кабриолета», трящегося в какой-то сотне ярдов впереди, провалилось в заполненную водой уличную рытвину.

Лошадь оступилась и, подогнув колени, рухнула вперед. Кэб, словно детский волчок, закрутился вокруг своей оси, сбрасывая возницу с козел, и Нарбондо, вцепившись в край защитного фартука, завис над землей, дергая в воздухе ногами. Кэб почти переломился надвое, и мокрая штора, отделявшая пассажирский отсек кузова, затрепыхалась, как флаг на сильном ветру. Пассажирка — да, то была Элис, — совершенно беспомощная из-за связанных рук, выпала из кузова, и кабриолет всей своей тяжестью обрушился на нее, пригвозждая к земле. Нарбондо плюхнулся в грязь и, осторожно нащупывая ногами опору в жидком месиве, стал пробираться, пошатываясь, к простертой под обломками жертве крушения.

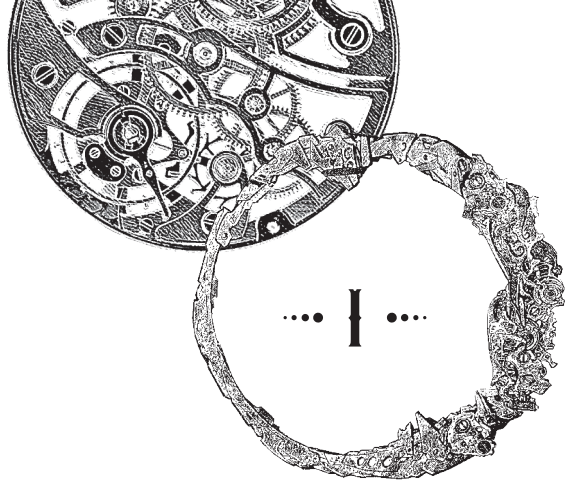
Сент-Ив издал протяжный вопль, смятенный тяжким, как ночной кошмар, видением: придя в себя, Элис зашевелилась, силясь выбраться из западни под опрокинутым кабриолетом. Хасбро натянул вожжи, останавливая лошадей, но Сент-Ив, которому и секунда ожидания казалась вечностью, на ходу выпрыгнул из открытой дверцы кареты,

растянулся на дороге, влекомый силой инерции, но тут же вскочил и рванулся вперед сквозь потоки дождя. В двадцати ярдах от него Нарбондо перелезал через обломки кэба, а лежавшая на дороге лошадь билась в попытках подняться — безнадежных, ибо нога ее была вывернута назад под почти невозможным углом.

Сент-Ив направил дуло револьвера на горбуна и выстрелил, но пуля ушла куда-то в сторону и, видимо, угодила в лошадь: та дернулась и тихо заржала. В отчаянии Сент-Ив отер рукавом капли воды с лица и побрел вперед, шатаясь и стреляя наугад, и вдруг увидел, что Нарбондо тоже вооружен. Зажав пистолет в правой руке, тот приник к земле рядом придавленной повозкой женщиной. Повозился, приподнял Элис под плечи и приставил дуло к ее виску.

Объятый ужасом, Сент-Ив мгновенно спустил курок, но еще до того, как грохот собственного выстрела почти лишил его слуха, он уловил негромкий щелчок чужого курка и теперь, сквозь завесу дождевых струй, в оцепенении смотрел на роковой результат противостояния. Нарбондо, которого отбросила назад и развернула угодившая в плечо пуля Сент-Ива, с хриплым смешком, напоминавшим тьякканье тюленя, выпрямился, пошатнулся и рухнул на обломки кэба, ставшие временной могилой Элис.

Выронив пистолет в лужу, Сент-Ив пал на колени. Столь желанная еще пару минут назад смерть Нарбондо теперь не значила ровно ничего.



ВО ДНИ СТОЯНИЯ
КОМЕТЫ